

Научная статья

УДК 811.512.1 + 81'367.623
DOI 10.17223/18137083/80/21

**Прилагательные-цветообозначения
в роли интенсификаторов в казахском языке
(в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)**

**Наталья Борисовна Кошкарева¹
Майя Абжапарова²**

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>
² abzhaparovamd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4828-3110>

Аннотация

Прилагательные-цветообозначения в тюркских языках в переносном значении могут употребляться для выражения интенсификации признака. Интенсификаторы являются экспрессивным средством, выделяющим какое-либо явление из числа других, подчеркивая его важность для говорящего и адресата. В казахском и киргизском языках выявлено наибольшее количество прилагательных-цветообозначений, употребляющихся для обозначения интенсивности проявления признака, они используются чаще всего для характеристики природных явлений (сильного дождя, мороза и т. п.). В тюркских языках Сибири больше всего прилагательных-цветообозначений представлено в алтайском языке, в других языках подобные употребления единичны и фразеологизированы и чаще используются для экспрессивной характеристики человека. Прилагательное со значением 'черный' приобретает значение интенсификатора во всех рассмотренных языках. Модель формирования переносного значения типа 'черный' → 'интенсивный; обладающий высокой степенью проявления качества или свойства' является общей для многих тюркских языков.

Ключевые слова

семантика, цветообозначение, интенсификатор, казахский язык, киргизский язык, тюркские языки Южной Сибири

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Кошкарева Н. Б., Абжапарова М. Прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов в казахском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 260–275. DOI 10.17223/18137083/80/21

© Кошкарева Н. Б., Абжапарова М., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 260–275
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 260–275

Color designations as intensifiers in the Kazakh language in comparison with Turkic languages of Southern Siberia

Natalya B. Koshkareva¹, Maiya Abzhaparova²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>

² abzhaparovamd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4828-3110>

Abstract

Intensifiers are an expressive means to distinguish a particular phenomenon among others by emphasizing its importance for the speaker and addressee. This work describes the functioning of Kazakh color designations as intensifiers compared to Turkic languages of Southern Siberia and the Kyrgyz language. In a figurative meaning, they can be used to express the intensification of a sign. In the Kazakh and the Kyrgyz languages, the largest number of adjectives – color designations are used to indicate the intensity of the manifestation of a sign. These adjectives in most cases characterize natural phenomena (heavy rain, frost, storm etc.). Considering the Turkic languages of Siberia, most adjectival color designations are presented in the Altaic language, while in other languages such examples are uncommon, phraseologized, and used mainly to convey the expressive characterization of a person. In all Turkic languages, the adjectival color designation ‘black’ is found to acquire the meaning of intensifier. The model of figurative meaning formation such as “black” → “intensive; with a high degree of quality or properties” is common for many Turkic languages. This study was conducted by analyzing the dictionaries of the Kazakh and Altaic languages and the samples from Kazakh and Altaic prose, where color designations are used not in their direct meaning to denote the color of objects but figuratively to express a high degree of manifestation of a feature, for example: “black” → “intensive.”

Keywords

semantics, color designation, intensifier, Kazakh language, Kyrgyz language, Turkic languages of Southern Siberia

Acknowledgments

This research has been carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Koshkareva N. B., Abzhaparova M. Color designations as intensifiers in the Kazakh language in comparison with Turkic languages of Southern Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 260–275. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/21

Введение

В тюркских языках прилагательные-цветообозначения нередко используются в переносном значении для выражения интенсивности признака [Гурдов, 1972; Тюнтешева, 2006; Майзина, 2008; Борисова, 2016; Топоева, 2018; Ойноткинова, 2021; Аннай, 2021]. В роли интенсификаторов они выделяют какое-либо явление из числа других, подчеркивая его важность для говорящего и адресата [Терентьева, Ефимова, 2017, с. 165].

В данной статье описывается функционирование казахских прилагательных-цветообозначений в роли интенсификаторов в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири и киргизским языком.

Материалом для статьи послужила выборка примеров из произведений художественной литературы на казахском языке, в которых прилагательные-цветообозначения употребляются не в прямом значении для обозначения цвета предметов, а в переносном – для выражения высокой степени проявления признака, например: ‘черный’ → ‘интенсивный’. Для сопоставления с другими тюркскими языками использовалась научная литература, где рассматриваются вопросы семантики цветообозначений, а также словари, в том числе онлайн-словари казахского¹, киргизского², якутского³ языков.

1. Категория интенсификации

В общем виде значение интенсификации связано с выражением различных характеристик эмоционального спектра для говорящего, проявление которых подчеркивает важность сообщения, стремление донести мысль до окружающих.

Н. А. Лукьянова рассматривает интенсивность как одну из составляющих категории экспрессивности наряду с эмотивностью и оценочностью: «интенсивность связана не с любой количественной характеристикой предмета или явления, а только с такой, которая указывает на отклонение от “нормальной” меры, вследствие чего воспринимается отправителем речи не как обычное соответствие определенной общепринятой мере, или норме явления» [Лукьянова, 1986, с. 56]. И. И. Туранский считает, что сущность категории интенсификации заключается в отражении отношения говорящего к событиям и явлениям. Категория интенсивности является средством языковой оценки говорящим каких-либо характерных признаков [Туранский, 1990, с. 34], поэтому средства языковой интенсификации, по мнению В. А. Ладова, «лежат в основе социального и эмоционального выражения» [Ладов, 2003, с. 103].

В тюркских языках прилагательные-цветообозначения могут приобретать яркую экспрессивную окраску, употребляясь в переносном значении для обозначения интенсивности проявления признака, о чем одним из первых написал А. Гурдов, исследуя семантическую структуру прилагательных *белый* и *черный* в английском и туркменском языках [Гурдов, 1972, с. 21]. Для лексемы *кара* ‘черный’ семантика интенсивности отмечается в казахском, алтайском, карачаево-балкарском, хакасском и якутском языках [СИГТЯ, 2001, с. 593]. И. В. Кормушин называет значение ‘очень, совершенно, совсем’ применительно к тюркскому слову *кара* «абстрактно-наречным» или «обобщенно-адвербиальным» [Кормушин, 2001, с. 593–594].

Е. В. Тюттешева отмечает, что фразеологические единицы с компонентами *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *қызыл* ‘красный’ с семантикой ‘нечестный, с отрицательными чертами характера’ имеют параллели во всех тюркских языках, и упоминает усиленное значение лексемы *көк* ‘синий’ в казахском и киргизском языках [Тюттешева, 2006, с. 93]. А. Н. Майзина выделяет усиленное значение для алтайских лексем *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’,

¹ <https://kazahsko-russkij-slovar.slovaronline.com/>.

² <https://tamgasoft.kg/>.

³ <https://sakhatyala.ru/>.

куба ‘бледный’. Она считает, что в данном случае цветовые наименования выполняют функцию усилительных частиц: «Это явление связано, прежде всего, с таким перманентным свойством цветовых категорий, как проявление интенсивности. По всей видимости, перечисленные выше цветообозначения изначально подчеркивали насыщенность цветового признака, а затем стали приобретать нецветовое значение» [Майзина, 2008, с. 42]. Такие значения Б. И. Татаринцев называл «производными значениями интенсивности», поскольку они выражают высокую степень качества в составе устойчивых сочетаний, например: тув. *көк дош* ‘очень холодный, замерший’ (букв.: синий лед), *кара хөктүг* ‘очень забавный’ (букв.: черный забавный), *кызыл чанагаши* ‘совсем раздетый’ (букв.: красный раздетый) и др. [Татаринцев, 2002, с. 63].

2. Использование прилагательных-цветообозначений казахского языка в роли интенсификаторов

В казахском языке в роли интенсификаторов могут выступать практически все прилагательные, обозначающие базовые цвета спектра. Они сочетаются со словами разной семантики более свободно, чем аналогичные цветообозначения в других тюркских языках, где в роли интенсификаторов употребляются далеко не все цветообозначения, а те, которые могут выступать в этой функции, часто имеют ограничения на сочетаемость.

ақ ‘белый’ → ‘сильный, интенсивный’ (о природных явлениях)

ақ жауын ‘непрерывно моросающий дождь’ (букв.: белый дождь): *Күз келді. Үш күннен бері сілбілеген ақ жауын айықпай тұр* ‘Наступила осень. Уже три дня не утихает **продолжительный дождь**’ (Ауэзов, 1997, с. 168);

ақ боран ‘непрекращающийся буран’ (букв.: белый буран): *Лезде түтеп кеткен ақ боран жақындап қалған аласа қораны бұлдыратып, көзден жасырды* ‘Мгновенно поднявшийся **непрекращающийся буран** скрыл от глаз приближающуюся невысокую конюшню’ (Ахтанов, 2011, с. 8);

ақ дауыл ‘монотонная длительная буря’ (букв.: белая буря): *Ақ боран ба, ақ дауыл ма, / согады – ай көп бұрқақта* ‘Белая выюга или **монотонная буря** – Очень долго метет’ (Айтхожин);

ақ құйын ‘сильный вихрь’ (букв.: белый смерч): *Ақ құйындай ұлыған боран ел-жұртты әбігерге салды* ‘Завывающая выюга, как **сильный вихрь**, заставила людей суетиться’ (Фольклор);

ақ түтек ‘сильная пурга’ (букв.: белая пурга): *Бетіне төпелеп ұрған қар кірпік астын жасқа толтырып, көзін аштырмайды. Алдыңғы жақ ақ түтек, жаңа теңкіп тұрған Дөңқара көзден гайып болған...* ‘Снег, беспрестанно бьющий в лицо, наполняя слезами глаза под ресницами, не дает их открыть. Впереди **сильная пурга**, только что громоздившийся холм Донкара исчез из виду’ (Ахтанов, 2011, с. 7).

қара ‘черный’ → ‘сильный’, ‘северный; холодный’

В геосимволике тюркских народов север связан с черным цветом, и, соответственно, слово *қара* ‘черный’ в составе наименований ветра (*боран, жел*) передает не только значение ‘сильный’, но и значение ‘холодный’, ‘северный’, например:

қара суық ‘сильный сухой холод’ (букв.: черный холод без снега): *Қыс қанша қырсығып бақса да дүниеге келген жас шарана табиғаттың тас бауырын жібiткендей қар мен жаңбыр аралас лайсаңның, қара суық желдің ар жағынан бусанып көктем лебі келе жатады* ‘Сколько бы ни упрямылась зима, природа, будто только что пришедший в мир младенец, смягчает свою суровость, и за слякотью снега вперемежку с дождем, за **сильным сухим холодом** следует дыхание весны’ (Ахтанов, 2011, с. 88).

қара ‘черный’ → ‘многочисленный’

Лексема *қара* ‘черный’ имеет вторичное значение ‘многочисленный’. Основанием такого переноса является зрительное восприятие большого количества людей издали как чего-то темного, черной массы:

қара нөпір ‘сплошная масса’ (букв.: черная масса): *Бұл той Алшынбайдың үлкен той етем деген бір мерекесі екен. Жыылған қонақтардың аттары топ-топ. Үйірім-үйірім қара нөпір боп көрінеді. Жалғыз сол аттардың өзі де бір қос жылқыдай* ‘Этот той был большим праздником, который хотел устроить Алшынбай. Лошади собравшихся гостей стоят кучками. Всюду вокруг они виднеются **сплошной массой**. Одна из этих лошадей сойдет за двоих’ (Ауэзов, 1997, с. 200);

қара құрымдай ‘очень много, бесчисленно’ (букв.: черная масса): *Сондай қиыншылық жағдайда дұшпанның қара құрымдай қаптаған күшінен қобалжыған кезде, қуат та, медет те, себеп те болған қазақтың ер намысына тидіре айтқан екі ауыз мақалының күші еді* ‘В таком трудном положении, когда дрогнул перед силой врага, двинувшегося **бесчисленной массой**, и опорой, и поддержкой, и причиной [выстоять] была сила сказанной казахской пословицы о чести молодца’ (Момышулы, 1991, с. 57).

қызыл ‘красный’ → ‘очень или не очень интенсивный’ (о явлениях природы)

Прилагательное *қызыл* ‘красный’ в роли интенсификатора при обозначении погодных явлений обозначает как высокую, так и низкую степень проявления признака:

қызыл шұнақ аяз ‘лютый мороз’ (букв.: красный безухий мороз): *Қыстың қызыл шұнақ аязында Искендір елу шақырым жердегі қаладан Исақай ешенге бір қап көмір әкеп берген күндері болған* ‘Бывали дни, [когда] зимой в **лютые морозы** Ескендир из пригорода, в пятидесяти километрах от города, на ослике Исақай привозил мешками уголь’ (Аймаутов, 2003, с. 115);

қызыл іңір ‘ранние сумерки, время, когда садится солнце’ (букв.: красный вечер): *Ауыл түтін, өзен күріл. Сарғылт таңдақ. Жел де қоңыр, қызыл іңір* ‘Дымок над селом, рев от [бурной] реки. Желтоватая пыль. И ветерок приятный, **красный вечер**’ (Аймаутов, 2003, с. 73).

көк ‘синий’ → ‘очень; сильный’ (о природных явлениях)

көктайғақ ‘гололед’ (букв.: синяя скользь): *Астана. Қыс. Көктайғақ... / Көшелерден өт жайлап* ‘Астана. Зима. **Гололед**... / Осторожно переходи улицы’;

көк салпақ ‘весенняя слякоть’ (букв.: синяя слякоть): *Даланың қары сөгіліп, көк салпақ лайсаң басталғанмен, әлі жер қарайған жоқ* ‘Хотя в степи снег растаял и началась **весенняя слякоть**, земля еще не просохла’ (Жунусов, 2013, с. 153);

көк дауыл ‘сильная буря’ (букв.: синяя буря): *Шыр айналды шаңырақ, / Сырқырады сырғауыл. / Бұрқырады бар аймақ, / Соқты ышқына көк дауыл* ‘Закрутился шанырақ’⁴, / *Заскрипел шест. / По всей округе поднялась пыль столбом, / Грянула сильная буря*’ (Аманжолов, 2014, с. 65).

көк ‘синий’ → отрицательная характеристика человека

В казахском языке лексема *көк* ‘синий’ в роли интенсификатора связана с выражением отрицательных характеристик человека:

көк жалқау ‘настоящий лентяй’ (букв.: синий лентяй): *Одан әрі аузына сөз түспеген әйел баланы аяғымен теуіп, итеріп, үйден қуып шықты. Жақсылықты білмейтін көк жалқау, құдайдан безген* ‘Далее женщина, не зная, что сказать, пнула ребенка ногой, оттолкнула и выгнала из дома, **настоящая лентяйка**, не знающая добра, безбожная!’⁵.

В сочетании с соматизмами формируются фразеологические единицы, посредством которых человеку дается экспрессивная негативная характеристика:

көк ауыз ‘болтун, пустомеля’ (букв.: синий рот): **Көкауыз** *келіннің модасымен оралған жаулық жерге ұшып түсті* ‘По-модному завязанный платок **пустомели**-невестки упал на землю’ (Майлин, 2003, с. 106);

көк ми ‘дурак’ (букв.: синий ум): *Дастарқан басына жайғасқан соң, «Әй, көк ми, қайдан келесің?» деп, тағы бір қағыта сөйледі атамыз* ‘После того как сели за стол, дед, дальше подтрунивая, сказал: «Эй, **дурак**, откуда ты?»’⁶.

сары ‘желтый’ → ‘интенсивный’

При помощи лексем *сары* ‘желтый’ в сочетаниях с существительными ‘мороз’, ‘ветер’ описываются неблагоприятные природные явления:

сары аяз ‘трескучий мороз’ (букв.: желтый мороз): *Дала меңіреу ақ кебін. Біресе, жел ысқырып, боран соғады: біресе, сақылдаған сары аяз болады; біресе, шашағы салбыраған бозғыл тұман басады* ‘Степь безмолвна в белом саване. То ветер свистит и метет буря, то **трескучий мороз** бывает, то бледный туман с обвисшей бахромой заволакивает’ (Аймаутов, 2003, с. 225);

сары жел ‘постоянно дующий ветер’ (букв.: желтый ветер): *Аспанда бұлттар аунайды, / Сары жел қобыз сарнатып* ‘В небе кружат облака, / **Постоянно дующий ветер** играет на кобызе’⁷ (Габдуллаевич, 2007, с. 63);

сары таң ‘долгое летнее время суток’ (букв.: желтый рассвет): *Тағы да күз, тағы, міне, / сары таңды ұзақ түн, / Уысында тағы да мен ұйқы дейтін тұзақтың, / Ой-хой, шіркін, тағы да бір күзді, міне...* ‘Снова осень, снова вот, / Долгая ночь с **долгим летним утром**, / И снова я в ловушке сна, / Ой-хой, опять осень, вот...’ (Макаатаев, 2013, с. 171).

жасыл ‘зеленый’ → ‘сильный, интенсивный’

Для прилагательного *жасыл* ‘зеленый’ переносное значение ‘сильный, интенсивный’ является окказиональным. В нашей выборке представлены единич-

⁴ *Шанырақ* – элемент купола юрты в виде решетчатой крестовины, вписанной в обод. Предназначен для удерживания боковых элементов купола и создания проёма для солнечного света и выхода дыма от очага.

⁵ <https://bilim-all.kz/article/6990-Qola-qaban/>.

⁶ <https://didar-gazeti.kz/kms-saat-ayda-eken/>.

⁷ *Кобыз* – казахский народный струнный музыкальный инструмент.

ные примеры, показывающие возможности образного использования данного слова:

жасыл жаңбыр / жаңбыр жасыл ‘сильный дождь’ (букв.: зеленый дождь / дождь зеленый): *Жасыл жаңбыр жанарынан / Жасыл көктем жауып тұр* ‘От сияющего **сильного** дождя / Зеленая весна наступает’ (Фольклор); *Жаңбыр жасыл яки көк пе боран / Жалғандықсыз жазирам* ‘**Сильный ливень** или сильный буран, / Без лжи моя широкая степь!’ (Абдыкакимов, Абдрахманов, 2011, с. 341).

Возможно, такое значение возникает по аналогии с переносными значениями других цветообозначений, для которых выражение интенсивности является типичным, что подтверждает важный системный признак тюркских цветообозначений – возможность выражения значения интенсивности как экспрессивного лексического средства.

В табл. 1 показаны сочетаемостные возможности казахских прилагательных-цветообозначений для усиления характеристики природного явления и человека.

Таблица 1

Сочетаемость казахских цветообозначений-интенсификаторов
со словами разных ЛСГ

Table 1

Compatibility of Kazakh color terms-intensifiers
with the words of different lexical-semantic groups

Цветообозначение	Интенсивность	
	природных явлений	характеристики человека
<i>ақ</i> ‘белый’	<i>ақ жауын</i> ‘непрерывно морозящий дождь’ (букв.: белый дождь) <i>ақ боран</i> ‘непрекращающийся буран’ (букв.: белый буран) <i>ақ бұрқақ</i> ‘вьюга’ (букв.: белая небольшая метель) <i>ақ дауыл</i> ‘монотонная длительная буря’ (букв.: белая буря) <i>ақ құйын</i> ‘сильный смерч’ (букв.: белый смерч) <i>ақ түтек</i> ‘сильная пурга’ (букв.: белая пурга)	–
<i>қара</i> ‘черный’	<i>қара суық</i> ‘очень сильный холод’ (букв.: черный холод без снега)	<i>қара нөпір</i> ‘большое скопление людей’ (букв.: черная толпа) <i>қара құрымдай</i> ‘очень много, бесчисленно’ (букв.: черная масса)
<i>қызыл</i> ‘красный’	<i>қызыл шұнақ аяз</i> ‘лютый мороз’ (букв.: красный безухий мороз) <i>қызыл іңір</i> ‘ранние сумерки’ (букв.: красные сумерки)	<i>қызыл табан болу</i> ‘набить ноги от ходьбы’ (букв.: быть с красными подошвами)

Цветовое обозначение	Интенсивность	
	природных явлений	характеристики человека
<i>көк</i> 'синий'	<i>көктайғақ</i> 'гололед' (букв.: синий скользкий) <i>көк салтақ</i> 'весенняя пора' (букв.: синяя слякоть) <i>көк дауыл</i> 'сильная буря' (букв.: синяя буря)	<i>көк ауыз</i> 'болтун, пустомеля' (букв.: синий рот) <i>көк жалқау</i> 'настоящий лентяй' (букв.: синий лентяй) <i>көк есек</i> 'упрямый человек' (букв.: синий осел)
<i>сары</i> 'желтый'	<i>сары аяз</i> 'трескучий мороз' (букв.: желтый мороз) <i>сары жел</i> 'постоянно дующий ветер' (букв.: желтый ветер) <i>сары таң</i> 'долгое летнее время суток' (букв.: желтый рассвет)	–
<i>жасыл</i> 'зеленый'	<i>жасыл жаңбыр / жаңбыр</i> <i>жасыл</i> 'сильный ливень' (букв.: зеленый дождь)	–

Чаще всего прилагательные-цветовые обозначения в роли интенсификаторов используются в казахском языке для описания природных явлений, тогда как для экспрессивной характеристики человека зафиксированы только три лексемы: *қара* 'черный', *қызыл* 'красный', *көк* 'синий'. При этом прилагательное *көк* 'синий' выступает в составе фразеологизмов в сочетании с соматизмами, являющимися образными средствами выражения отрицательных признаков и свойств человека, приобретая значение интенсификации в составе устойчивого сочетания в целом: каз. *көк ауыз* 'болтун, пустомеля' (букв.: синий рот). Ср. аналогичные образы, возникающие в сходных по структуре конструкциях в других тюркских языках: кирг. *көк чоку* 'стреляный воробей; бывалый' (букв.: синяя теменная кость; о человеке); *көк мелтей* 'непомерно упрямый' (букв.: синий сплав); каз. *көк жалқау* 'настоящий лентяй' (букв.: синий лентяй), алт. *көк тенек* 'очень глупый; глупец' (букв.: синий глупец), тув. *көк мирит* 'совсем глупый человек' (букв.: синий глупец).

Цветовые обозначения в роли интенсификаторов отражают разную степень интенсивности проявления признака. Так, сочетание *қызыл шұнақ аяз* 'лютый мороз' (букв.: красный безухий мороз) передает большую степень интенсивности, чем *сары аяз* 'трескучий мороз' (букв.: желтый мороз). Здесь цветовой признак обозначает реакцию кожи человека на холод: от светлого тона кожи к более темному (желтый – красный). Кроме того, интенсивность признака «холодный» усиливается лексемой *шұнақ* 'безухий'. Сочетание *қара дауыл* 'сильная буря' обозначает большую степень силы ветра, чем *көк дауыл* 'сильная буря'. Стороны света в тюркской языковой картине мира ассоциируются с различными цветами: север – *қара* 'черный' (ночь, зима), юг – *қызыл* 'красный' (день, лето), восток – *көк* 'синий; зеленый' (утро, весна), запад – *ақ* 'белый' (вечер, осень). Северный ветер холоднее восточного, что отражается в приведенных сочетаниях.

Пары этих словосочетаний, различающиеся большей или меньшей степенью проявления признака, формируют шкалу чувственного восприятия.

3. Цветообозначения в роли интенсификаторов в тюркских языках Южной Сибири

Возможность использования прилагательных-цветообозначений для выражения высокой степени проявления признака характерно для многих тюркских языков: казахского и киргизского [Тюнтешева, 2006], туркменского [Гурдов, 1972], алтайского [Майзина, 2008; Ойноткинова, 2021], хакасского [Топоева, 2018], тувинского [Аннай, 2021] и др. (табл. 2).

Языки различаются по степени вовлеченности разных прилагательных-цветообозначений в сферу экспрессивных средств языка. Так, в хакасском языке в роли интенсификатора выступает только одна лексема *хара* ‘черный’, которая активно употребляется для экспрессивной характеристики человека – как с положительной, так и с отрицательной стороны, например: *хара пасхачыл* ‘очень странный’, *хара соган* ‘очень некрасивый, страшный’, *хара чалгыс* ‘совершенно одинокий’, *хара чалгыс пала* ‘единственное дитя’, *хара хычалыг* ‘притягательный’ [Топоева, 2018, с. 59].

В онлайн-словаре якутского языка⁸ возможность употребления в качестве усилительного слова в некоторых сочетаниях отмечена также только для одного прилагательного-цветообозначения *хара* ‘черный’: *хара ааныттан* (или *маннай-гыттан*) ‘с самого начала’; *хара сарсыардаттан* ‘с самого утра’; *хара төрүө-буттэн* ‘с самого рождения’; *хара көрсүөбуттэн* ‘с первой встречи; как только увидел’; *хара сор* ‘большое (букв.: черное) несчастье’; *хара түөкүн* ‘ужасный плут, мошенник’; *хара накаас* ‘тяжкие муки; муки ада; мука мученическая’; *хара балыыр* ‘тяжкая клевета’.

В тувинском языке в этой функции используются три прилагательных: *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’ и *кызыл* ‘красный’. Прилагательные *кара* ‘черный’ и *көк* ‘синий’ передают отрицательную оценку признака, тогда как прилагательное *кызыл* ‘красный’ – в целом положительную, ср.: *кара чолук* ‘совсем плохой, негодяй’ (букв.: черный негодяй), *көк механик* ‘совсем простой механик’ (букв.: синий механик; пренебр. о человеке, занимающемся грязной ручной работой).

В алтайском языке в этой функции используется четыре цветообозначения: *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, например: *ак тамыкта* ‘абсолютная тишина’ (букв.: белая тишина), *кара жокту* ‘совсем бедный’ (букв.: черный бедный), *кызыл эт* ‘абсолютно голый, обнаженный’ (букв.: красное тело), *көк тенек* ‘очень глупый; глупец’ (букв.: синий глупец) [Майзина, 2008].

В казахском и киргизском языках зафиксировано самое большое количество прилагательных, употребляющихся в роли интенсификаторов. В словаре киргизского языка представлены примеры употребления цветообозначений *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *сары* ‘желтый’ в переносном значении высокой степени проявления признака: *кара нөшөр* ‘проливной дождь’ (букв.: черный ливень), *кара жамгыр* ‘проливной дождь’ (букв.: черный дождь), *кара тоңолок* ‘гололедица’ (букв.: черный замерзший), *кызыл бороон* ‘сильный буран’ (букв.: красный буран)⁹.

⁸ <https://sakhatyla.ru/>.

⁹ <https://tamgasoft.kg/>.

Употребление прилагательных-цветообозначений в роли интенсификаторов в тюркских языках

Таблица 2

The usage of color designations as intensifiers in the Turkic languages

Table 2

Цвето- обозначение	Язык					
	казахский	алтайский	тувинский	хакасский	якутский	киргизский
‘белый’	<i>ақ жауын</i> ‘непрерывно морсящий дождь’ (букв.: белый дождь)	<i>ак тымыкта</i> ‘абсолютная тишина’ (букв.: белая тишина)				
‘черный’	<i>қара суық</i> ‘очень сильный холод’ (букв.: черный холод без снега)	<i>қара жанғыскан</i> ‘совсем один, един- единственный’ (букв.: черный один) <i>қара жоқтау</i> ‘совсем бедный’	<i>қара чаңғыс</i> ‘современно одинокий’	<i>хара чалғыс</i> ‘современно одинокий’ <i>хара пасхачыл</i> ‘очень странный’ <i>хара соган</i> ‘очень некрасивый, страшный’ <i>хара чалғыс пала</i> ‘единственное ди- тя’ <i>хара хычалыг</i> ‘притягательный’	<i>хара сор</i> ‘большое (букв.: чёрное) несчастье’ <i>хара түөкун</i> ‘ужасный плут, мошенник’	<i>қара нөшөр</i> ‘про- ливной дождь’ (букв.: черный ли- вень)

Окончание табл. 2

Цвето- обозначение	Язык					
	казахский	алтайский	тувинский	хакасский	якутский	киргизский
‘красный’	<i>кызыл шұнақ аяз</i> ‘лютый мороз’ (букв.: красный безухий мороз)	<i>кызыл эт</i> ‘абсолютно голый, обнаженный’ (букв.: красное тело)	<i>кызыл эт</i> ‘голое тело’ (букв.: красное мясо)			<i>кызыл бороон</i> ‘сильная буря без снега’ (букв.: красный буран)
‘синий’	<i>көк есек</i> ‘упрямый человек’ (букв.: синий осел)	<i>көк тенек</i> ‘очень глупый; глупец’ (букв.: синий глупец)	<i>көк инек</i> ‘абсолют- ная корова’ (букв.: синяя корова)			<i>көк мелтей</i> ‘непо- мерно упрямый’
‘желтый’	<i>сары аяз</i> ‘трескучий мороз’ (букв.: желтый мороз) <i>сары жел</i> ‘постоянно дующий ветер’ (букв.: желтый ветер)					

Между казахским и киргизским языками наблюдается наибольшая близость в составе и значениях прилагательных-цветообозначений в роли интенсификаторов. К ним примыкает алтайский язык, в котором значение интенсификации свойственно тем же лексемам с семантикой 'белый', 'черный', 'красный', 'синий', исключение составляет лексема *сары* 'желтый', для которой значение усиления признака не отмечено (см. табл. 2). Однако по семантике между казахским и киргизским языками, с одной стороны, и сибирскими тюркскими языками, с другой, наблюдается различие в сфере функционирования цветообозначений-интенсификаторов: в казахском и киргизском языках они используются прежде всего для описания природных явлений, тогда как в сибирских тюркских языках – преимущественно для характеристики человека в разных сферах – физиологической и эмотивной (см. табл. 1 и 2).

Заключение

Особенностью прилагательных-цветообозначений в тюркских языках является возможность их употребления в качестве интенсификаторов – слов, указывающих на степень проявления признака, чаще всего высокую. Интенсификаторы-цветообозначения служат средством выражения субъективного отношения к явлениям мира, которое, естественно, сопряжено с эмоциональной окрашенностью, поэтому они являются одним из лексических средств экспрессивности. Во всех рассмотренных нами тюркских языках лексема *кара* ~ *хара* 'черный' регулярно выражает значение высокой степени проявления признака, а также большого количества чего-либо. В казахском языке, в отличие от тюркских языков Южной Сибири, значение интенсификации присуще всей системе базовых цветообозначений, а не отдельным лексемам, характеризующимся уникальными сочетаемостными возможностями. Это подтверждается окказиональным употреблением прилагательного *жасыл* 'зеленый' в роли интенсификатора, а также более свободной сочетаемостью прилагательных-цветообозначений в роли интенсификаторов со словами разных ЛСГ.

В перспективе необходимо проведение целенаправленного сбора материала по разным тюркским языкам с опорой на специальные вопросники и широкие выборки из произведений художественной литературы для выявления всех возможных ЛСГ слов, с которыми сочетаются прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов, и установления сфер их функционирования для характеристики человека, натурфактов и артефактов.

Список литературы

- Аннай Э. К. Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека (в сопоставительном аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 232 с.
- Борисова М. В. Структурная классификация имен цвета в якутском языке // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 11 (66). С. 61–67.
- Гурдов А. Семантическая структура английских прилагательных *white*, *black* и туркменских *ак*, *кара* и их деривационный потенциал в сопоставляемых языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 35 с.

Кормушин И. В. Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Ладов В. А. Интенциональность в языке: проблема выразимости // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 103–108.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. Новосибирск: Наука, 1986. 188 с.

Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. 263 с.

Ойроткинова Н. Р. Цветообозначения в мифологическом дискурсе алтайцев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 1 (31). С. 47–63.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. С. 592–608.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 2: Д, Ё, И, Й. 386 с.

Терентьева Е. В., Ефимова А. А. Количественная определенность признака у относительных прилагательных (потенциальные интенсификаторы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1. С. 164–169.

Топова Л. М. Характеристика человека в устойчивых словосочетаниях с компонентом цветообозначения *белый / черный* в английском и хакасском языках // Символ науки. 2018. № 4. С. 57–60.

Туранский И. И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 1990. 310 с.

Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск: Любава, 2006. 224 с.

Список словарей

Алтайско-русский словарь. Русско-алтайский словарь. URL: <https://kalayda.ru/altaisko-russky-slovar> (дата обращения 2019–2021 гг.).

Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 936 с.

Бектаев К. Большой казахско-русский и русско-казахский словарь. Алматы, 1995. 697 с.

Дмитрюк Н. В., Нарожная В. Д., Молдошева Ж. И., Мезенцева Е. С., Сандыбаева Н. А., Артамонова Г. И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. Алматы; Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

Казахско-русский словарь. URL: <https://kazahsko-russkij-slovar.slovaronline.com> (дата обращения 2021–2022 гг.).

КРС – Русско-казахский = казахско-русский словарь. URL: <https://sozdik.kz/> (дата обращения 2021 г.).

Ойротско-русский словарь / Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. М.: ОГИЗ, 1947. 312 с.

Сыздыкова Р. Г., Хусаин К. Ш. Казахско-русский словарь. Около 50000 слов. Алматы: Мектеп, 2008. 962 с.

Кыргызско-русский словарь. URL: <https://tamgasoft.kg> (дата обращения 2021 г.).

Чумакаев А. Э. Алтайско-русский фразеологический словарь = Фразеологизм-дердинг Алтай-орус созлиги. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2005. 312 с.
Якутский словарь. URL: <https://SakhaTyula.ru/> (дата обращения 2022 г.).

Список источников

- Абдыкакимов Т., Абдрахманов С. Воспевая XX век. Алматы, 2011.
Аймаутов Ж. Акбилек: роман. Алматы: Атамұра, 2003.
Айтхожин М. Шторм: стихотворение. URL: <https://bilim-all.kz/olen/7287-Dauyl> (дата обращения 10.12.2021).
Аманжолов К. Метель: Стихотворение. Избранные произведения. Алматы: Айганым, 2014.
Ауэзов М. Путь Абая: Роман-эпопея. Алматы: Жеті Жарғы, 1997.
Ахтанов Т. Метель: Роман. Ақтобе: Шамшырақ-Ақтобе, 2011.
Габдуллаевич С. Собр. избр. соч. Алматы: Казинформ, 2007. Т. 1.
Жунусов С. Единственный дом в необитаемой степи: Роман. Алматы: Таймас, 2013. Т. 1.
Майлин Б. Талак: Рассказ. Алматы: Казыгурт, 2003.
Макатаев М. Собр. соч. Алматы: Жалын, 2013. Т. 1.
Момышулы Б. Личность солдата. Во имя отца: Роман-эссе. Алма-Ата: Жалын, 1991.

References

- Annay E. K. *Ekspressivnaya leksika tuvinskogo yazyka, kharakterizuyushchaya che-loveka (v sopostavitel'nom aspekte)* [The lexemes *kara* 'black', *kok* 'blue', *kyzyl* 'red' as expressive means in the Tuvan language]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 232 p.
- Borisova M. V. *Strukturnaya klassifikatsiya imen tsveta v yakutskom yazyke* [Structural classification of color names in the Yakut language]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and culturology]. 2016, no. 11 (66), pp. 61–67.
- Gurdov A. *Semanticheskaya struktura angliyskikh prilagatel'nykh white, black i turkmenskikh ak, kara i ikh derivatsionnyy potentsial v sopostavlyaemykh yazykakh* [Semantic structure of English adjectives white, black and Turkmen ac, kara and their derivational potential in comparable languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1972, 35 p.
- Kormushin I. V. *Tsvetooboznacheniya* [Color designations]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative and historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2001, 822 p.
- Ladov V. A. *Intentsional'nost' v yazyke: problema vyrazimosti* [Intentionality in language: the problem of expressiveness]. In: *Rabochie tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filosofiya i komparativistika* [Workbooks on comparative studies. Humanities, Philosophy and Comparativism]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2003, pp. 103–108.
- Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya russkogo yazyka* [Expressive vocabulary of colloquial usage of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 188 p.

Mayzina A. N. *Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy v altayskom yazyke (v so-postavlenii s mongol'skim yazykom)* [Semantic field of color designations in the Altaic language (in comparison with the Mongolian language)]. Gorno-Altaysk, 2008, 263 p.

Oynotkinova N. R. Tsvetooboznacheniya v mifologicheskom diskurse altaytsev [Color designations in the mythological discourse of the Altai people]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, no. 1 (31), pp. 47–63.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 592–608.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2002, vol. 2: D, E, I, Y. 386 p.

Terent'eva E. V., Efimova A. A. Kolichestvennaya opredelennost' priznaka u otnositel'nykh prilagatel'nykh (potentsial'nye intensivifikatory) [Quantitative definiteness of a sign in relative adjectives (potential intensifiers)]. *Historical and socio-educational idea*. 2017, vol. 9, no. 1, pp. 164–169.

Topoeva L. M. Kharakteristika cheloveka v ustoychivyykh slovosochetaniyakh s komponentom tsvetooboznacheniya belyy / chernyy v angliyskom i khakasskom yazykakh [Characteristics of a person in stable phrases with a white / black color designation component in English and Khakass languages]. *Simvol nauki*. 2018, no. 4, pp. 57–60.

Turanskiy I. I. *Soderzhanie i vyrazhenie intensivnosti v angliyskom yazyke* [The content and expression of intensity in the English language]. Cand. philol. sci. diss. N. Novgorod, 1990, 310 p.

Tyuntseva E. V. *Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo)* [Man and his world in the mirror of phraseology (based on the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz)]. Novosibirsk, Lyubava, 2006, 224 p.

List of dictionaries

Altaysko-russkiy slovar'. *Russko-altayskiy slovar'* [Russian-Altai dictionary. Russian-Altai dictionary]. URL: <https://kalayda.ru/altaysko-russkiy-slovar> (accessed: 2019–2021).

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. A. Je. Chumakaev (Ed. in Ch). Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2018, 936 p.

Bektaev K. *Bol'shoy kazakhsko-russkiy i russko-kazakhskiy slovar'* [Big Kazakh-Russian and Russian-Kazakh dictionary]. Almaty, 1995, 697 p.

Chumakaev A. E. *Altaysko-russkiy frazeologicheskij slovar'* [Altai – Russian phraseologic dictionary]. Gorno-Altaysk, Univer-Print, 2005, 312 p.

Dmitryuk N. V., Narozhnaya V. D., Moldosheva Zh. I., Mezentseva E. S., Sandybaeva N. A., Artamonova G. I. *Kazakhskiy assotsiativnyy slovar'* [Kazakh associative dictionary]. Almaty, Moscow, Media-LogoS, 2014, 330 p.

Kazakhsko-russkiy slovar' [Kazakh – Russian dictionary]. URL: <https://kazakhsko-russkiy-slovar.slovaronline.com> (accessed: 2021–2022)

Kyrgyzsko-russkiy slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. URL: <https://tamgasoft.kg> (accessed: 2021).

Oyrotsko-russkiy slovar' [Oirat-Russian dictionary]. N. A. Baskakov, T. M. Toshhakova. Moscow, OGIZ, 1947, 312 p.

Russko-kazakhskiy = kazakhsko-russkiy slovar' [Russian-Kazakh = Kazakh-Russian dictionary]. URL: <https://sozdik.kz/> (accessed: 2021).

Syzdykova R. G., Khusain K. Sh. *Kazakhsko-russkiy slovar'. Okolo 50000 slov* [Kazakh – Russian dictionary Approximately 50000 words]. Almaty, Mektep, 2008, 962 p. *Yakutskiy slovar'* [Yakut dictionary]. URL: <https://SakhaTyla.ru/> (accessed: 2022).

List of sources

Abdykakimov T., Abdrakhmanov S. *Vospievaya 20 vek* [Singing the 20th century]. Almaty, 2011.

Akhtanov T. *Metel': Roman* [Blizzard: a novel]. Aktobe, Shamshyrak-Aktobe, 2011.

Amanzholov K. *Metel': Stikhotvorenie. Izbrannye proizvedeniya* [Blizzard: a poem. Selected works]. Almaty, Ayganym, 2014.

Auezov M. *Put' Abaya: Roman-epopeya* [Abay's way: a novel-epic]. Almaty, Zheti Zhary, 1997.

Aymautov Zh. *Akbilek: roman* [Akbilek: a novel]. Almaty, Atamura, 2003.

Aytkhozhin M. *Shtorm: stikhotvorenie* [Storm: a poem]. URL: <https://bilim-all.kz/olen/7287-Dauyl> (accessed: 10.12.2021).

Gabdullaevich S. *Sobr. izbr. soch.* [Selected works]. Almaty, Kazinform, 2007, vol. 1.

Makataev M. *Sobr. soch.* [Collected works]. Almaty, Zhalyln, 2013, vol. 1.

Maylin B. *Talak: Rasskaz* [Talak: a story]. Almaty, Kazygurt, 2003.

Momyshuly B. *Lichnost' soldata. Vo imya ottsa: Roman-esse* [Personality of a soldier. In the Name of the Father: a novel-essay]. Alma-Ata, Zhalyln, 1991.

Zhunosov S. *Edinstvennyy dom v neobitaemoy stepi: Roman* [The only house in the uninhabited steppe: a novel]. Almaty, Taymas, 2013, vol. 1.

Информация об авторах

Наталья Борисовна Кошкарёва, доктор филологических наук, профессор

WoS Researcher ID M-2704-2018

Майя Абжапарова, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID AGX-9287-2022

Information about the authors

Natalia B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor

WoS Researcher ID M-2704-2018

Maya Abzhaparova, Candidate of Philology

WoS Researcher ID AGX-9287-2022

Статья поступила в редакцию 15.04.2022;

одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 20.05.2022

The article was submitted 15.04.2022;

approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 20.05.2022